

Глава 12. Чёрная роза 11

Север.

После того как Юй Юй отправил сообщение Ань Вэйвэй, он по привычке пролистал переписку вверх.

С того дня, как он поругался с родителями, Ань Вэйвэй больше не отвечала на его сообщения. Не обновляла Moments, не брала трубку.

У него не было номера родителей Ань Вэйвэй, и он не знал её друзей, поэтому вообще не представлял, что с ней случилось.

Это его тревожило.

Юй Юй прикусил ноготь большого пальца и уже в который раз открыл приложение для покупки авиабилетов.

Деньги у него ещё оставались, плюс можно было немного занять у друзей. Скажет родителям, что едет путешествовать с компанией — и всё будет в порядке...

Но когда эта мысль сформировалась в голове, сам Юй Юй почувствовал неладное.

Он ведь просто собирался съездить прогуляться в город, где раньше жил, — зачем врать родителям?

Но где-то глубоко внутри он чувствовал, будто нельзя говорить им правду.

— Если он скажет, что летит туда, — подумал он, — пусть даже не уточняя, что хочет попасть в тот самый дом, родители всё равно станут его останавливать, любыми способами.

Юй Юй не понимал, почему.

Он стиснул зубы и всё-таки купил билет на завтрашний рейс.

Он должен узнать, что случилось с Ань Вэйвэй, почему она исчезла, не отвечает, и не берёт

трубку.

*

Чэнь Шаньвань снова видел сон.

Но на этот раз, он отличался. Не так как будто бы он сам проживал сцену из прошлого или вспоминал что-то.

Этот сон вообще не имел к нему отношения. Обрывки, не связанные между собой, как порванная лента киноплёнки.

Всё было невероятно странным и пугающим.

Казалось, кто-то тихо бормотал молитвы, непонятные и протяжные.

Казалось, перед ним стоял жертвенный алтарь.

Казалось, он видел кровь, кости и черепа.

Казалось, видел, как из кровавого моря распускаются чёрные розы.

И — будто бы — видел человека.

Человека, рождённого из самой чёрной розы.

*

На следующее утро Чэнь Шаньвань проснулся, смутно припоминая, что ему снилось. Всё оставалось в виде неясных «будто бы», и как ни старался, он не мог вспомнить деталей. Но отчётливо ощущал холод.

Этот холод пробирал до костей, словно леденил череп изнутри. Так что он отбросил мысли о сне, было не до них.

Он машинально потёр руки, и посмотрел на вентилятор центрального кондиционера.

Может, температура слишком низкая?

Когда он только приехал в этот особняк, сразу заметил, что воздух здесь особенно холодный. Всё это время он ходил в длинных брюках и рубашке с рукавами до локтя.

Теперь же ему хотелось надеть что-нибудь с длинным рукавом.

Но ничего такого он не взял — кто же в южных краях, где под сорок пять градусов жары, потащит с собой тёплые вещи?

Поэтому Чэнь Шаньвань просто умылся горячей водой, которая была гораздо горячее обычного. Пальцы немного оттаяли, но вместе с тем появилось ощущение, будто по венам ползут тысячи крошечных муравьёв, грызут, щекочут, жгут изнутри, с головы до пят.

Это чувство было неприятным, и он стал разминать суставы, пытаясь избавиться от него.

Поковырившись в ванной какое-то время, он наконец избавился от странных ощущений. Ну, или просто привык к ним.

Главное, что не болит — и ладно.

Чэнь Шаньвань никогда не был из тех, кто обращает внимание на такие мелочи.

Спустившись вниз, он, как и ожидал, увидел на столешнице вазу с чёрными розами. Без карточки.

С тех пор как он стал завтракать, обедать и ужинать вместе с Юй Суем, карточки исчезли.

Он улыбнулся краешком губ, аккуратно достал розы, вылил старую воду, налил свежей и бережно расставил цветы, чтобы те не сталкивались головками.

Потом приготовил завтрак, поставил миску с рисовой лапшой на подъёмную платформу, а сам с подносом в руках поднялся на третий этаж.

— Доброе утро.

Из комнаты донёсся низкий, спокойный голос Юй Суя. Он говорил тихо, и от этого голос звучал неожиданно мягко:

— Господин Чэнь.

— Доброе утро, господин Юй. — отозвался Чэнь Шаньвань. Ему казалось, что их утренние приветствия звучат немного странно, но всё же приятно — когда хоть кто-то каждый день

говорит тебе «доброе утро».

Он поставил поднос и, как всегда, устроился у двери, обклеенной жёлтыми талисманами. И освещая себе место фонариком телефона, стал есть.

Для удобства приёма пищи, он специально притащил сюда низкий стульчик, а сам сидел прямо на полу.

На третьем этаже были деревянные половицы, не такие холодные, как кафель, но из-за мощного охлаждения, всё равно было прохладно.

К счастью, лапша была горячей. И Чэнь Шаньвань добавил в свою порцию побольше тёртого имбиря, чтобы согреться.

Обычно они ели в тишине, но сегодня Юй Суй вдруг тихо спросил из комнаты:

— Господин Чэнь, вам не холодно?

Чэнь Шаньвань замер:

— Да... немного.

— Похоже, кондиционер слишком холодит. — голос за дверью стал мягче, с примесью лёгкой хрипотцы. — Кажется, я простудился. Не могли бы вы поднять температуру?

Чэнь Шаньвань охотно согласился:

— Я бы рад, да только не знаю, где это делается... Я не умею пользоваться центральным кондиционером.

Юй Суй ответил терпеливо, будто объясняя ребёнку:

— В кладовой на первом этаже. Включите свет, и на стене увидите панель управления. Там всё просто: кнопки вверх и вниз. Нажимаете вверх — температура повышается.

— Хорошо. — кивнул Чэнь Шаньвань.

— Только, сначала поем. — добавил Юй Суй.

— Ладно.

Когда он поел, то направился в кладовку.

Дверь оказалась приоткрыта. Узкая щель, не шире двух пальцев, и оттуда веяло чем-то тёмным, опасным, ледяным.

Чэнь Шаньвань не стал колебаться и просто открыл дверь.

И сразу застыл.

Прямо напротив двери висела та самая картина, только теперь она была закрыта белой тканью. Плотно, без малейшего просвета. Даже сквозняк, ворвавшийся при открытии двери, не сдвинул покрывало.

Он стоял неподвижно.

Он отчётливо помнил, что в прошлый раз не накрывал картину.

Леденящий ужас расплзался по позвоночнику, как будто что-то взорвалось внутри, и мозг на миг словно завис.

Казалось, в одно мгновение множество вещей соединились воедино, промелькнув с огромной скоростью, напоминая о чём-то, но оставаясь слишком размытыми, чтобы ухватить.

Сердце дрогнуло. В голове крутилась мысль, что он вот-вот вспомнит что-то очень важное, но никак не получалось.

Как у художника, когда вдохновение вспыхивает и тут же гаснет.

Пальцы сами собой сжали дверную ручку. Ладонь вспотела, металл стал липким и скользким.

Он глубоко вдохнул несколько раз и, преодолевая себя, зашёл в кладовку.

Чэнь Шаньвань никогда не верил во всю эту чепуху про духов и привидения. С самого детства он был убеждённым материалистом: сколько бы страшилок ни рассказывали вокруг, сколько бы ужасиков ни заставляли смотреть соседи по комнате в общежитии, — всё это не вызывало в нём ни страха, ни трепета.

Но то, что сейчас происходило перед его глазами, — было не чужим рассказом и не постановочной сценой из фильма.

Это был настоящий, живой «ужас».

В доме находились только он и Юй Суй. Юй Суй был намертво заперт на третьем этаже. Белое покрывало, которым он не успел накрыть картину, вдруг оказалось на месте. Кто накрыл картину?

На долю секунды мозг Чэнь Шаньваня перестал соображать — перед внутренним взором пронеслись все истории о привидениях, что он когда-либо слышал.

Раньше он не боялся таких вещей. Но когда странное случается с тобой самим — всё начинает вызывать мурашки.

Выключатель света в кладовке располагался далеко внутри. Пользуясь тусклым, мертвенным светом телефона, Чэнь Шаньвань искал его несколько секунд, пока не нашёл.

Нервы у него были натянуты до предела — особенно в тот момент, когда луч света скользнул по гипсовой голове, накрытой белой тканью. А за окном именно тогда раздался резкий, неестественный звук, будто рванул фейерверк. Он вздрогнул.

Но тут же заметил выключатель, и не раздумывая, щёлкнул.

В следующее мгновение тусклый свет лампы под потолком залил комнату.

Кладовка оказалась довольно большой. Повсюду громоздились разного размера вещи, накрытые белыми тканями.

Чэнь Шаньвань прошёл глубже внутрь и нашёл панель управления центральным кондиционером.

Как и говорил Юй Суй, разобраться было несложно.

Температура стояла на шестнадцати градусах. Он прибавил двенадцать, выставив двадцать восемь, и повернулся, чтобы уйти.

То ли он слишком поспешил, то ли просто не рассчитал шаг, но он плечом задел что-то стоявшее рядом. Из-под белой ткани выскользнула старая, пожелтевшая от времени тетрадь и с глухим шлепком упала на пол. В воздухе поднялось облачко пыли.

Наклонившись, он поднял её и несколько листов упали на пол. Он не собирался подглядывать, но строчки на бумаге сами бросались в глаза.

То были древние иероглифы.

И всё это касалось жертвоприношений.

Причём — одной из самых мрачных традиций в мире: жертвоприношение живого человека.

В нём мгновенно проснулся профессиональный интерес.

Глаза Чэнь Шаньваня пробежали по тексту и разум автоматически начал переводить.

Речь шла о «способе возвращения духа*».

Когда-то на первом курсе он об этом слышал.

В древности существовало множество практик «возвращения духов», но самая мрачная и жестокая из них — использовать живого человека.

Выбирали мальчика, рождённого в «иньский» год, месяц, день и час**, — слабого, болезненного, но красивого***, с судьбой одиночки, «звездой убийства родных****».

— Но ведь астрология — это всё выдумка. — кто-то тогда спросил профессора. — Как можно определить, что ребёнок — та самая «звезда несчастья»?

Профессор усмехнулся:

— Когда человек решается на поступок, противный самому небу, — поверьте, сделать ещё две мерзости ему уже ничего не стоит.

Так его и «делали» звездой несчастья — одиночкой, несущим несчастье, с судьбой, приносящей вред родителям.

...

Когда Чэнь Шаньвань снова перелистнул тетрадь, стараясь уложить страницы обратно, глаза всё равно зацепились за новые строчки.

Он особо не вчитывался, но суть понял.

То ли автор записей просто забавлялся, то ли кто-то и впрямь поверил — и попытался провести ритуал.

Всё выглядело так, будто кто-то намеревался взрастить духа, божество, способное исполнить любые желания.

Чэнь Шаньвань аккуратно положил тетрадь обратно, накрыл белой тканью и больше не стал смотреть.

Но когда закрывал дверь, в голове всплыла «та самая страшилка о призраке», которую рассказывал Ван Цюй.

Кондиционер не заработал сразу и воздух всё ещё оставался холодным.

Чэнь Шаньвань поднялся наверх к Юй Сую. Он сам не понимал почему, но его тянуло именно к нему, будто рядом с ним можно было почувствовать себя в безопасности.

— ...Господин Юй. — позвал он, остановившись у двери. Он собирался что-то спросить, но, услышав изнутри кашель, внезапно застыл.

Может, ему просто показалось.

Голова шла кругом. Может, когда он уходил, он всё-таки накрыл ту чёртову картину покрывалом?..

— Что случилось? — из комнаты донёсся мягкий, ласковый голос.

Взгляд Чэнь Шаньваня слегка помутнел.

— Ничего. — ответил он тихо.

Он чуть склонил голову и, неосознанно улыбнувшись, произнёс с интонацией, похожей на голос Юй Суя:

— Просто хотел спросить... вам всё ещё холодно?

Юй Суй приподнял уголки губ.

Алые губы на бледном лице выглядели особенно притягательно, греховно красиво и зловеще.

В чёрных, как бездна, глазах мелькнуло довольство... но вместе с ним и тень неудовлетворённости.

Так — неинтересно.

Он не считал Чэнь Шаньваня скучным.

Скорее, тот стал похож на него самого — безжизненный, словно кукла.

И тогда Юй Суй снял слишком глубокое наваждение, опутавшее Чэнь Шаньваня.

Ему нужен был Чэнь Шаньвань, но живой, настоящий.

Спешить не куда.

Юй Суй взял со стола чёрную розу и, наклонившись, вдохнул её аромат.

Теперь этот цветок уже пах Чэнь Шаньванем.

Какое счастье.

Это стоило отпраздновать.

* «Вращивание духов» (☯ / ☯ / ☯ и т.п.).

В древнем Китае существовали различные эзотерические практики, связанные с управлением или «выращиванием» духов — например, ☯☯ (yǎng xiǎo guǐ, «выращивание малых духов / призраков»), ☯☯ (liàn shī, «обработка / одушевление мертвецов») или ☯☯ (yǎng shén, «питание духа» — более благостная, даосская практика). Но в народных верованиях некоторые из таких практик приобретали мрачную окраску: предполагалось, что с помощью определённых ритуалов можно «привязать» дух умершего ребёнка или даже живого человека к себе, чтобы тот служил как слуга, защитник или источник силы.

** «Иньский» год, месяц, день и час.

В китайской астрологии и нумерологии время рождения определяется по небесным стволам и земным ветвям (☯☯, gānzhī), которые делятся на инь и ян. «Иньский» момент рождения — это когда все четыре компонента (год, месяц, день, час) принадлежат к инь-категории. Такое сочетание считается крайне редким и необычным.

Люди, рождённые в полностью иньское время, считаются:

- особенно чувствительными к потустороннему,

- «холодными» по энергетике,

- склонными к одиночеству,

- потенциально опасными для окружения (из-за дисбаланса инь-ян).

Они часто ассоциировались с нечистой силой или проклятой судьбой, что делало их «ценными» для тёмных ритуалов.

*** «Слабый, болезненный, но красивый»

Такие дети считались особенно подходящими для ритуалов:

- Слабость и болезни — признаки дисбаланса инь-ян и «утечки» жизненной энергии (ци), что делает их более восприимчивыми к влиянию духов.

- Красота — важна в эзотерических практиках: считается, что красивая внешняя форма усиливает «энергетическую ценность» жертвы или носителя.

**** 天煞孤星 (tiān shà gū xīng) «Звезда убийства родных».

Это термин из китайской астрологии и судьбовой науки (цзывэй дошу, 紫微斗数).

«天煞孤星» буквально означает «одинокая звезда небесного карающего клина». Это очень негативная звезда (судьба), которая означает:

- полное одиночество в жизни,

- смерть близких (особенно родителей, супругов, детей),

- неспособность строить гармоничные отношения,

- судьбу изгоя.

Считается, что человек под влиянием этой «звезды» приносит несчастье своей семье — отсюда и название «убийца родных». В народных верованиях таких людей часто боялись и избегали.

Но в мрачных эзотерических практиках именно таких людей (особенно детей) могли использовать как «сосуд» для духов — ведь их связь с родом уже ослаблена, а «кармический долг» огромен. Их дух считался особенно мощным и послушным после смерти.

<http://bllate.org/book/12897/1133584>